

«ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ» ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

*Работа представлена кафедрой истории Военного университета.
Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор А. М. Ястремский*

В статье рассматривается «греческий проект» Екатерины Великой, который определял российскую внешнюю политику в 80-е гг. XVIII столетия. Завоевание Константинополя и изменение состава Греческой империи под эгидой России - главные грандиозные цели этого проекта.

The «Greek projects of Catherine the Great, which determined the Russian foreign policy in the 1780s, is considered in the article. The conquest of Constantinople and the modification in the structure of the Greek Empire under the aegis of Russia were the main purposes of this project.

В 1780 г. Екатерина II и Г. А. Потемкин, обсуждая успехи прошедшего десятилетия, загорелись «греческим проектом», который будет определять российскую политику в последующие годы. Завоевание Константинополя - такова главная грандиозная цель этого проекта. Уже в 1779 г., когда великая княгиня Мария произвела на свет второго сына, его, в соответствии с желанием бабушки, нарекли Константином в знак уважения к Византийской империи, после крушения которой российские государи были убеждены, что их долгом является возместить утраченное, заполнить образовавшуюся пустоту. Со времен Ивана III чувство, что Москва - это Третий Рим, глубоко укоренилось в их политическом мышлении. Начиная с 1777 г. Потемкин уговаривает Екатерину готовиться к завоеванию Константинополя, но Н. И. Панин, будучи еще в силе, высмеял эту идею.

Четыре года спустя, после устранения влиятельного министра, началось сближение с Австрией, и главным содержанием обсуждаемого между Петербургом и Веной соглашения становится раздел Османской империи. Предлагаемый проект получает поддержку, и в его рамках широко обсуждается вопрос об изменении состава Греческой империи под эгидой России.

В своей переписке барон Ф. М. Гримм именует Екатерину императрицей греков, несмотря на то что в принципе трон этой империи предназначался Константину. Маркиз де Верак докладывает своему министру, что Иосиф II, которому Екатерина сообщила о своих планах, пришел в восторг от такой грандиозной идеи. И к этому добавляет, что решил наконец сообщить о ней Версалю лишь потому, что императрица по-настоящему увлечена ею. И как тонкий дипломат добавляет, что ничего не сообщал ранее из-за того, что считал эту затею нелепой¹.

В письме императрицы Иосифу II от 10 сентября 1782 г. «греческий проект» излагается полностью. Начинается с констатации: Россия не нуждается в новых территориях, исключением могут стать только крепость Очаков, необходимая для ее собственной безопасности, некоторые земли между Бугом и Днестром и, может быть, еще несколько островов для облегчения торговли. Зато Молдавия, Валахия и Бессарабия, на которые она иногда претендовала, должны быть объединены в одно независимое государство Дакию. На трон этого нового государства предполагается возвести князя, исповедующего греческую религию, внимательно относящегося к инте-

ресам и безопасности России и Австрии, двух покровительствующих держав. С другой стороны, союз этих империй против Порты должен позволить захватить Константинополь и изгнать тем самым из Европы «врага христианского мира». На развалинах турецкого государства должна будет возродиться прежняя Греческая империя, также в форме независимого государства, управляемая монархом из династии Романовых. Этот проект мог только привести к столкновению европейских держав - настолько он усиливал Россию, несмотря на повторяющиеся заверения, что Дакция и Греческое государство навсегда останутся независимыми. Но Россия при этом приобретала бы совершенно очевидное влияние на Балканах и свободу прохода через Дарданеллы, укрепляя тем самым свой статус морской державы и возможность торговли с Ближним Востоком. А. А. Безбородко понимал недовольство, которое вызовет этот проект, и постарался ответить на это сопротивление предложениями по задабриванию возможных критиков. Австрии он перечислил, какие из ее требований будут поддержаны Россией: Босния, часть Сербии с Белградом, Банат Крайова. Франция могла бы использовать крах Турции в Египте. Не забыта была и Англия.

Менее осторожная, чем ее министр, Екатерина, с 1781 г. сильно привязавшаяся к Иосифу II, была убеждена, что для императора достаточно будет их дружбы, и не хотела видеть взглядов, которые тот обращал на Далмацию и в особенности на Валахию, включаемую императрицей в состав будущей Дакии. Был ли, однако, русско-австрийский союз, опора внешней политики Екатерины на этом этапе, достаточно сильным, чтобы позволять полную свободу действий соавторам «греческого проекта»? Со своей стороны, Потемкин полагал, что мудрость предписывает дополнить связи, установившиеся с венским двором, гарантиями со стороны Англии, если вдруг придется уравновесить возможную поддержку

Порты Францией, которую ни Потемкин, ни Екатерина не надеялись склонить на сторону России. У альянса с Англией был сильный сторонник в лице посланника русского двора в Лондоне Семена Воронцова, племянника бывшего канцлера. Он не устал повторять, что российская и английская державы не соперники, а взаимно дополняют друг друга, что только дружба с владычествующим на морях государством может ослабить желание Франции оказать помощь Турции.

Чтобы договориться с Лондоном, России надлежало отказаться от вооруженного нейтралитета², воспринимаемого Англией как угроза для ее морского могущества. Воронцов непрерывно повторял в своих депешах, что Англии нет никакого смысла защищать Турцию, да и Швецию тоже. Это было несколько смелое высказывание, при котором забывались в определенной степени подлинные интересы Англии. На это Екатерина и Безбородко отвечали, что Лондон никогда не согласится считать своей целью интересы России и усиление ее могущества, а усилия Воронцова оказались напрасными.

Не более удачными были и попытки Екатерины очаровать Людовика XVI, который отказался верить в то, что изгнание мусульман из Европы диктуется соображениями веры и морали. Безбородко предложил Версалью четырехсторонний союз России, Франции, Австрии и Испании, который позволил бы установить в Европе новое равновесие, отвечающее интересам всех подписавших. Король ничего не хотел слушать, и графу де Сегюру было разрешено подписать в январе 1787 г. только торговое соглашение. Исходя из того, что Франция не приняла на себя никаких политических обязательств, Версаль послал в Турцию инженеров и офицеров для укрепления турецкой армии и подготовки ее к предстоящей войне. Анализ маркиза де Верака, критикующего нелепость «греческого проекта», лишь укреплял французскую

политику по поддержанию Порты, что было явно наилучшим способом сдержать российский экспансионизм в направлении Средиземного моря и позволяло сделать вывод о необходимости сократить отношения с Россией до строгого минимума.

Хотя Екатерина не находит в Европе поддержки своему проекту, на которую она рассчитывала, число признаков, говорящих о ее твердом намерении его реализовать, увеличивается. Константина окружают греческими няньками и воспитателями, в семье его называют «Звездой Юга», выбивают медаль с его изображением на берегу Босфора и на фоне храма Святой Софии. Хотя о «греческом проекте» широко известно стало лишь в начале 1780-х гг., в частности благодаря пространной записке Безбородко императрице (которая, похоже, была ее соавтором)¹, этапы его разработки видны уже с середины 1770-х. Все началось с упрочения российских завоеваний в степных районах после первой Русско-турецкой войны и заключения Кючук-Кайнарджийского договора. Потемкину надлежало сплотить территории, присоединенные после войны, и добиться ассимиляции живущих на них народов и племен. В первую очередь он столкнулся в 1775 г. с проблемой запорожских казаков. По Кючук-Кайнарджийскому договору к России отошли степи между Днепром и Бугом, историческая территория Сечи (свободной республики запорожских казаков). Во все времена запорожские казаки воевали с крымскими татарами, но одновременно постоянно отвергали власть России, как во времена Московского царства, так и позднее. Запорожцы нападали даже на воевавшие в степях российские войска. В годы борьбы с мятежными ханами Екатерина терпела запорожских казаков, потому что они были ей полезны. Но после покорения Крыма решила лишить их политической основы существования.

Требую особого привилегированного статуса, казаки опирались на хартии. В от-

вет на это Екатерина обратилась к ученому, члену Российской академии наук Герхарду Фридриху Миллеру за доказательством, что предъявляемые казаками документы поддельные, а запорожские казаки - это просто украинские казаки и их претензии на особый статус лишены каких-либо оснований. В глазах императрицы казаки мешали установлению российской власти в Новороссии, и манифестом от 5 августа 1775 г. Запорожская Сечь была распущена, а название «запорожский казак» ликвидировано навсегда⁴. Кроме того, она решила отменить все казацкие родовые имена и географические названия, имевшие хоть какое-нибудь отношение к пугачевскому бунту. Так, исчезло название Яик, превратившееся в реку Урал. Когда запорожских казаков стали забирать в регулярную армию, многие из них сбежали в Оттоманскую империю. Дух казацкой независимости был несовместим с ролью передового рубежа империи, отводимой Новороссии, которую Потемкин хотел превратить в собственное царство. Назначенный генерал-губернатором этих земель, Потемкин представил Екатерине в 1778 г. грандиозный план их преобразования. Недалеко от Черного моря будет построен портовый город Херсон в память о древнем Херсонесе (греческое слово, означающее «полуостров», и древний город в Крыму, через который шла торговля между Византийской империей и народами Украины и России). Его первым губернатором станет сын эфиопского князя, предок Пушкина Ганнибал, купленный и усыновленный Петром Великим. Положение этого города было сложным. Он связан с Черным морем лиманом, узким днепровским рукавом, в устье которого Потемкин велел соорудить крепость. Но напротив, на другой стороне дельты, находится турецкий укрепленный плацдарм Очаков, с которого контролируется вся прилегающая местность. Другая трудность заключается в том, что потемкинский форпост расположен на границе знойной степи и его

очень трудно снабжать оружием и продовольствием. Но Потемкин пригнал издалика рабочих, привлек армию, а в 1780 г. пригласил английского инженера Бентэма для наблюдения за ширившимся строительством. Екатерина не только соглашается с этим безумным планом своего бывшего фаворита, но и поощряет его. Херсон напоминает ей эпоху Петра Великого, времена завоевания Балтики, строительства флота и порта Петербург. Не станет ли Херсон екатерининским Петербургом?

Спустя несколько лет Потемкин решил дать Новороссии столицу, призванную стать «Новыми Афинами». Так возникнет Екатеринослав, построенный на месте бывшей запорожской деревушки. Потемкин задумал его по образцу греческого города, с кафедральным собором в центре, по своим размерам равным собору Святого Петра в Риме. Враги Потемкина смеялись над ним, указывая на разницу в масштабах между задуманным и осуществленным. А Екатерина была очень довольна и снисходительно относилась к мании величия своего бывшего фаворита. Для нее главным было то, что без Крыма Новороссия так и прозябала бы в степях, а дорога на Константинополь оставалась бы закрытой. Города и флот, созданные Потемкиным, диктовали следующий шаг - присоединение Крыма.

Каждое возвращение хана, поддерживаемого Россией, в свою столицу ознаменовывалось растущим сопротивлением его власти и вскоре превратилось почти во всеобщее восстание. Так было и летом 1782 г., когда после ухода российских войск, восстановивших порядок и в очередной раз вернувших хана на трон, разразился бунт, возглавляемый кланом самого могущественного из крымских ханов - Шагин-хана. Этот клан поддержал хана в 1777 г., но, устав от его бесчинств, перешел на сторону брата-соперника. Другую важную роль в этом мятеже играли улемы - религиозные органы, которых давно раздражало чуждое исламу поведение хана: конфиска-

ция имущества мечетей, приглашение для обучения детей «неверных» учителей, использование в системе образования языка «неверных». Они неоднократно предупреждали Шагин-хана и, наконец, в 1782 г. признали мятеж законным. К этому моменту у Екатерины еще остаются сомнения, и она в последний раз пытается спасти своего протеже и сохранить статус Крыма.

Против этого возражали все ее советники, которые с жаром доказывали, что Екатерине не следует надеяться даже на малейшую популярность и легитимность хана, и предлагали решить проблему простейшим образом - путем немедленного присоединения Крыма. 3 августа 1782 г. Екатерина поручает Потемкину восстановить порядок: «Наши войска должны безотлагательно войти в Крым, подавить мятеж, вернуть власть Шагин-хану как законному правителю». Но за этими распоряжениями скрывается уже готовящийся процесс аннексии. Разумеется, Потемкин исполнил приказание и сумел вернуть хана в столицу, в то время как его брат и соперник, руководитель восстания Бахадир-хан бежал в Константинополь. Все говорит о повторении предыдущего кризиса: вмешательство русской армии, возвращение хана, безудержные чудовищные репрессии с его стороны, возмущение Екатерины. Но в Петербурге императрица начинает считать, во что обходится независимость Крыма. Денежные субсидии составляют огромную сумму (7 млн руб.), а потери в человеческих жизнях даже невозможно подсчитать. На другую чашу весов Екатерина кладет результаты произведенных затрат: Крым в состоянии анархии, ненавидимый своими подданными и не пользующийся авторитетом хан, дискредитация России из-за такого жалкого итога.

Трезвые размышления императрицы восприняты Потемкиным, который понимает, что настало время заставить ее поменять курс. Зимой 1782 г. они обмениваются своими взглядами: он пишет ей памятную

записку, она составляет для губернатора Новороссии рескрипт. В этом документе от 14 декабря императрица сначала указывает на цену, заплаченную Россией за сохранение независимости Крыма, а затем рассматривает ряд гипотез о том, что произойдет, «если мы возьмем себе полуостров». Из них первая: «если враги хана избавляются от него», это говорит о полном отсутствии у него авторитета - а так уже случалось два раза, - и одного этого предположения достаточно для оправдания присоединения.

Со своей стороны Потемкин подготовил пространный меморандум, дату составления которого трудно определить, известно только, что он был вручен императрице между 23 октября и 14 декабря 1782 г.⁵ В нем прямо говорится о безотлагательности осуществления аннексии. В нынешней ситуации, утверждает князь, для этого есть все подходящие условия: сделать это позднее будет труднее, и «вас осудят за то, что вы упустили предоставлявшийся вам шанс». Аргументов в пользу присоединения очень много. Самый главный - необходимость более «рационально» оценить российские границы, которые в их нынешнем виде остаются ненадежными и с турецкой стороны, и со стороны Кубани. Безопасность российского пространства, и в первую очередь Новой России, требует исправить сложившееся положение. Понадобится ли платить за подобное присоединение? Нет, решительно отвечает Потемкин, потому что Россия в данном случае поступит в точности как Франция, забравшая Корсику, или Вена, овладевшая Буковиной. И наконец, кому будет плохо от аннексии? Оттоманской империи. А разве священный долг России не в том, чтобы ослабить ее, воцариться на берегах Черного моря и вести свободную торговлю с Европой и Ближним Востоком?

Анализируя этот меморандум, один из лучших специалистов по истории той эпохи, П. П. Черкасов, подчеркивает также «идеологическую» аргументацию Потемкина, напоминающего Екатерине, что имен-

но в Херсонесе князь Владимир принял в 987 г. христианство за год до крещения всего своего народа в водах Днепра⁶. Аргумент, найденный Потемкиным, весьма примечателен. Настаивая на «христианском» долге императрицы, Потемкин показывает, в какой степени она является олицетворением России и ее христианских корней, насколько легенда о «Третьем Риме», историческом долге российских государей после падения Византии является составной частью имперского замысла Екатерины. То ли подействовала убедительная сила меморандума, то ли совпадение двух суждений, но, так или иначе, Екатерина отвечает рескриптом, о котором говорилось выше. Таким образом, решение о присоединении Крыма принято уже в конце 1782 г. Однако прежде чем сделать намеченный шаг, более осторожная, чем ее советник, Екатерина хочет убедиться, что это не вызовет больших возражений со стороны других держав. Особенно ее беспокоит реакция Турции и Франции. Первая может начать новую войну, а вторая - побудить Порту к отпору.

Следует, правда, отметить, что в 1782 г. в международном плане Россия располагает благоприятными для своего проекта факторами. Австрия, которая в недавнем прошлом грозила поддержать Порту против России, с 1781 г. связана с Петербургом договором, и с этого момента Екатерина постоянно консультируется с Иосифом II по вопросам Крыма. Поездка великого князя Павла в Европу и его двухнедельное пребывание в Вене позволили, по всей видимости, сделать более частыми контакты с императором, который все же сдержанно относится к идее России расположиться на берегах Черного моря. Но он связан соглашением 1781 г., а интересы в Польше побуждают его хранить осторожное молчание.

Французский посланник в России подробно информирует своего министра об изменении ситуации в Крыму, и Франция с большим вниманием относится к происходящему, но, как правильно рассчитал По-

темкин, война в Америке сковывает французскую политику. Правда, Екатерина видит, что эта война приближается к концу (мирные переговоры начнутся в январе 1783 г.) и что время, отпущенное России, чтобы действовать в Крыму, не опасаясь острой реакции Франции, быстро сокращается. Однако, вопреки постоянной враждебности версальского правительства к российским успехам на Черном море, Людовик XVI проводит осторожную политику. Его посланник в Константинополе граф де Сен-При весьма далек от попыток разжигания гнева турок и, наоборот, всеми силами стремится убедить Порту, что открытие военных действий было бы для нее опасным. «Инструкции короля заключаются в том, чтобы устранить, насколько это возможно, любую опасность разрыва между Россией и Портой»⁷. Маркиз де Верак, наблюдающий в Петербурге за колебаниями императрицы, долгое время полагает, что Екатерине будет трудно пойти на риск и начать войну. Русская армия кажется ему плохо подготовленной к столкновению с неприятелем, да и цена за такие военные действия будет велика. Из этого он делает вывод о возможности для Франции выступить в роли миротворца между двумя сторонами.

Но наблюдатели недооценили решимость императрицы и размах проводимых по ее приказу военных приготовлений. С 1782 г. ведутся фортификационные работы в Ахтиарской бухте на Крымском побережье Черного моря, предназначенной стать главной базой российского флота. Позднее этот порт получит имя Севастополя. 8 апреля 1783 г. Екатерина выпускает манифест о присоединении Крыма, который начинается следующими словами: «Наша последняя война против Оттоманской империи, сопровождавшаяся знаменательными успехами, безусловно, давала нам право присоединить к нашей Империи Крым, которым мы владели. Однако мы без колебаний пожертвовали им, как и многими другими завоеваниями, во имя нашего страстного же-

лания восстановить спокойствие народов и укрепить доброе согласие и дружбу между нашей Империей и Оттоманской Портой. Поэтому мы прямо заявили о предоставлении татарам завоеванной нашим оружием свободы и независимости. Из-за своего естественного беспокойства, раздуваемого наветами из неизвестного нам источника, татары легко попали в ловушку, расставленную чужими руками, сеявшими смуту и смятение, и до такой степени поддались им, что стали способствовать разрушению и даже полному уничтожению здания, которое мы своими благодеяниями воздвигли для счастья этой нации». Эти слова, которыми все сказано, заканчиваются решающей фразой: «Мы принимаем твердое решение раз и навсегда покончить со смутой в Крыму и с этой целью присоединяем к нашей Империи полуостров Крым, полуостров Тамань и Кубань».

Манифест без труда положил конец многолетнему кризису в Крыму, вызывавшему раскол у российских властей и волнение у иностранных держав. Российская армия находилась в Крыму с 1782 г., и потому не было никакой потребности в военных операциях. Флот пошел в Ахтиарскую бухту, российские отряды заняли территории, указанные в манифесте, а татарскому населению было предложено присягнуть императрице. Екатерина заявила, что те, кто откажется пойти в состав империи и принести присягу, могут свободно уехать в Оттоманскую Порту. В конце июня процедура принесения клятвы верности была завершена, и Потемкин приступил к административной организации новой провинции, которая вскоре станет именоваться Тавридой. Потемкин без труда убедил хана отказаться от власти, а затем покинуть Крым и поселиться со своими сторонниками в Калуге. Екатерина назначила ему щедрое содержание.

Императрица побаивалась реакции иностранных государств, но та, к ее великому удивлению, оказалась весьма сдержан-

ной. В июле Екатерина направила своему послу во Франции князю Бяратинскому рескрипт, в котором информирует его об аннексии, и просила заверить двор и графа Верженна в том, что присоединение к империи Крыма, Тамани и Кубани нисколько не нарушает мира с Портой. На этой стадии Верженн, проявляя забывчивость относительно судьбы Крыма, с беспокойством хочет узнать, не является ли эта аннексия прелюдией к нападению на Турцию, находящуюся теперь в непосредственной близости от российских военных кораблей. На что посол Екатерины отвечает, что российские южные территории находились по отношению к Турции в таком же положении. Поставленный перед свершившимся фактом Людовик XVI отправляет послание с выражением своего понимания, на которое Екатерина отвечает с неменьшей теплотой, при этом оба подчеркивают свое стремление к миру⁸.

Внешние приличия были соблюдены, но у короля Франции сохраняется глубокое чувство неудовлетворенности с оттенком беспокойства. Он понимал, что равновесие в мире нарушено, и не мог смириться с перспективой устранения турок из Европы. Франция слишком долго поддерживала Турцию, чтобы представить себе Европу без нее. Она являлась противовесом продвижению России в южном направлении и, следовательно, помехой росту российского могущества, но в глазах короля другим преимуществом были и ее слабость, и зависимость от французской поддержки. И наконец, в Версале опасались, как бы появление России в Черном море не сказалось отрицательно на торговле Франции с Ближним Востоком. Прибавим к этому то обстоятельство, что французская дипломатия чувствовала себя одураченной. Длительный период поддержки независимости Крыма убедил Версаль, что Россия не собирается отказываться от нее в пользу присоединения. После 8 апреля 1783 г. Екатерину начали подозревать в двуличии, в том, что она

играла в независимость, чтобы усыпить бдительность оппонентов, а затем в один прекрасный день спокойно осуществила аннексию. Очевидно, что Екатерина долгое время не принимала советов Потемкина и Безбородко, склонявших ее к аннексии, но не менее ясно и то, что альтернатива присоединения всегда была у нее в голове, просто она хотела использовать такую возможность с максимумом предосторожностей.

Но больше всего императрица боялась реакции Порты. Надо сказать, что положение, которое складывалось в этот же самый момент на Кавказе, требовало от турок осторожности. К востоку от Кубани, между Черным и Каспийским морями, Кавказ являл собой очень пеструю этническую и политическую картину, где крупные соседние государства - Россия, Персия, Турция - организовывали свое господство над мелкими княжествами. Два христианских государства, Картвели-Кахетия и Имеретия, были объектом притязаний со стороны двух соседних мусульманских государств, и их цари искали защиты у России. Вплоть до 1783 г. слишком занятая делами Крыма Россия не обращала внимания на эти государства, но после того как Крым был присоединен, генерал Потемкин, двоюродный брат светлейшего, подписал с царем Ираклием II Георгиевский трактат. По этому договору над Восточной Грузией устанавливались верховная власть и покровительство России, которая признавала царя Ираклия и его наследников законными правителями страны и предоставляла им право управления всеми внутренними делами. Но грузинская церковь включалась в российскую административно-религиозную систему, иными словами, подчинялась Святейшему синоду, и во главе ее был поставлен четвертый сын царя. И в горах Северного Кавказа российские войска вели непрерывные бои с чеченцами и дагестанцами, а Потемкин в это время начал в Исфахане переговоры с персидским шахом, пытаясь убедить его уступить России территории

Карабахского ханства, населенного армянами. Эти переговоры впоследствии закончились неудачей.

Оттоманские представители зондировали почву среди европейских держав относительно их возможного сопротивления российской экспансии в Крыму и на Кавказе. Но ни в Версале, ни в Лондоне, как и в Вене, никто не хотел ввязываться в эти дела. Оттоманской империи пришлось прийти к выводу, что она осталась в одиночестве, чего в прошлом с ней никогда не бывало. Поскольку Австрия перешла на сторону России, туркам пришлось под давлением Вены и Версаля склонить голову. Правда, Верженн обращался к российской дипломатии с тем, чтобы она удовлетворялась неофициальным, а не письменным признанием Портой состоявшейся аннексии. Но Петербург твердо настаивал на официальном признании свершившегося факта. Кроме того, учитывая ситуацию 1783 г., Россия отвергла как неприемлемое предложение Верженна отказаться от сохранения флота на Черном море и даже вернуть Крыму независимость в обмен на заверения, что она сохранит контроль над ним. Эти предложения, сделанные в сентябре 1783 г., заставили Екатерину усомниться в добрых намерениях Франции и перестать прислушиваться ко всем предложениям, исходящим от Версаля. Аннексия стала свершившимся фактом, у России не было никаких оснований отступить, и она была в состоянии заставить Турцию с ней согласиться.

9 января 1784 г. в Айналы-Каваке было подписано второе соглашение, повторяющее положения Кючук-Кайнарджийского договора и соглашения в Айналы-Каваке 1779 г., за исключением статей, гарантирующих независимость Крыма. По второму соглашению в Айналы-Каваке Порта признавала присоединение Крыма к России. В феврале 1784 года этот район получил название Тавриды и был разделен на семь округов. Организация Тавриды про-

исходила по образцу административно-территориального деления России. В империи тогда преобладала теория ассимиляции. Большое количество татар - около 200 тысяч⁹ - покинуло Крым, а в результате правительственного решения о колонизации сюда приехало от пятидесяти до ста тысяч переселенцев.

В период после присоединения Крыма Екатерина размышляет об исламе, ее первоначально нетерпимая политика по отношению к мусульманам сменяется толерантным к ним отношением. Уже в 1773 г. она выпускает декларацию «Допустимость всех религий», которая в первую очередь имела в виду ислам и предписывала православным иерархам не вмешиваться в дела мусульман. За годы независимости Крыма Екатерина смогла убедиться в неприятии татарскими религиозными верхами любой политики модернизации и пришла к выводу, что для ассимиляции татарского общества необходимо привлечь религиозные власти к новой администрации, а не бороться с ними, как это было в прошлом. Вот почему в 1784 г. был назначен высший религиозный руководитель, муфтий Крыма, и определены его полномочия по отношению к служителям церкви, школам, мечетям и обществу (он сам и его администрация содержались за счет российской казны, впоследствии по образцу крымского муфтиата будут организованы и другие мусульманские районы России).

Казалось, что в течение ряда лет Екатерина довольствуется приобретенным по Кючук-Кайнарджийскому миру, однако с 1783 г. в ее политике преобладают идеи «греческого проекта» и желание извлечь выгоду из достигнутых успехов. На Балканах ее представители все чаще вмешиваются в дела Молдавии и Валахии. На Кавказе грузинскому протекторату все больше отводится роль передового рубежа в перспективе продвижения на север. Опасения на этот счет усилились в результате реакции России на призыв в 1785 г. шейха Мансура

к кавказским горцам оказывать сопротивление продвижению российских войск и на его обращение к Порте за помощью. В ответ Екатерина поручила своему послу сообщить Стамбулу, что она будет защищать грузин «всеми средствами»¹⁰. Это заявление было воспринято Стамбулом как новый выпад России против Порты. В результате начались приготовления к сдерживанию российских амбиций, приравниваемых турками к «греческому проекту», т. е. к их ликвидации. Оттоманская империя обратилась к Великобритании и Пруссии, и без того раздраженным изменением союзнических связей со стороны Петербурга. Турки утверждали, что растущее могущество России создает опасность для всех европейских государств. Война была на пороге.

Таким образом, после присоединения Крыма и установления протектората над частью Кавказа Екатерина могла в очередной раз обратиться к своим корреспондентам с вопросом: «Мы хорошо поработали?» Турки были далеки от того, чтобы разделять ее энтузиазм, и никогда не исчезавшая полностью напряженность между двумя державами вновь обострилась в середине 1786 г. С каждой стороны усиливались упреки в нарушении заключенных соглашений. Окружение императрицы дает ей противоречивые советы. Безбородко выступает за осторожную позицию: вдохновленный своими успехами и положением почти полновластного владыки Юга Потемкин стремится к окончательной победе. Но, подобно Безбородко, он понимает необходимость избегать войны, по крайней мере, в самое ближайшее время, потому что предстоящие недели должны стать его апофеозом благодаря организованной им поездке Екатерины с возданием хвалы императрице от имени империи, основателем которой он себя считает. Мир необходим, и царица, желающая своими глазами увидеть потребовавшие огромных средств чудеса, которыми ее так долго убаюкивали, разделяет это пожелание.

Не вдаваясь в подробности Русско-турецкой войны 1787-1791 гг., которая началась сразу же после возвращения Екатерины II из Новороссии, отметим, что Ясский мир, подписанный 29 декабря 1791 г., станет триумфом России, венчающим полный опасностей 1791 г., в котором Екатерина II проявила поразительное хладнокровие и не менее великолепную способность самой принимать решения, не поддаваясь давлению Тройственного союза и влиянию Потемкина. Подчеркнем, что последний иногда проявлял по отношению к ней удивительную мужскую снисходительность, заявляя окружающим, когда она сопротивлялась ему: «Это же женщина, с ней надо бережно обращаться» или «Императрица уже не та, что прежде, возраст и болезни лишили ее некоторых способностей...»

Прибыв в Яссы, Потемкин еще может приказать пересмотреть соглашение в части отказа от укрепления завоеванных земель, но на этом роль князя Таврического заканчивается. Григорий Александрович понимает, что покидает императрицу навсегда. Когда в начале октября в Яссы приезжают уполномоченные подписать мир оттоманские представители, Потемкин вынужден передать свои полномочия генералам Самойлову и де Рибасу и своему дипломатическому советнику. Он слишком болен, чтобы вести переговоры, уезжает в степь и там 5 октября умирает, а в Яссах под началом личного представителя императрицы графа Безбородко продолжаются переговоры. Ясский мирный договор состоит из тринадцати статей. Он подтверждает соглашения, ранее подписанные между двумя странами, и содержит новые пункты. Прежде всего российско-турецкая граница отныне проходит по Днестру. Таким образом, в соответствии с постоянным желанием Екатерины война принесла ей Очаков и территории между Бугом и Днестром. Турция соглашается с российским протекторатом над Грузией и обязуется не пытаться в дальнейшем его оспаривать. В обмен

на это Османская империя получает обратно Молдавию и Бессарабию, но с признанием за меньшинствами прав, закрепленных Кючук-Кайнарджийским договором.

Приобретенное Россией в результате второй войны с Турцией не идет ни в какое сравнение с тем, на что надеялась Екатерина еще несколько месяцев назад перед лицом враждебности большинства европейских государств, которые мобилизовал Питт. Крым и российское присутствие на Черном море стоят отказа от планов независимости дунайских княжеств. Побережье Черного и Азовского морей, район между Азовским морем и Кубанью, наконец, Грузия под протекторатом России - все это далеко выходит за рамки устремлений Петра Великого. На месте турецкой крепости Хаджибей, завоеванной Потемкиным в 1789 г., адмирал де Рибас построит порт и создаст город, в котором будут жить греки. Привлекательность этого быстро развивающегося места легко понять. Это незамерзающая акватория, свободная ото льдов - беды всех русских портов, дающая выход к морю Новороссийскому краю с развивающимся сельским хозяйством. Екатерина назовет этот город с непрерывно растущим портом Одессой, что будет последним напоминанием о «греческом проекте».

При Екатерине Россия частично осуществила мечту многих монархов, мучимых

навязчивой идеей о завоевании Константинополя. Однако в ее сердце останется ностальгическая грусть от незавершенности своего проекта. Иногда она даже обвиняет Потемкина в том, что у того были недостаточно широкие планы. Повторяя время от времени, что, «если турки будут злоупотреблять ее терпением, она дойдет до Константинополя», Екатерина хотела дать им почувствовать, что теперь, после договора в Яссах, ей это сделать легче, чем совершить поездку в Крым после Кючук-Кайнарджийского мира. Но эти наполовину мстительные, наполовину ироничные слова не могут скрыть главного: после окончания - и с каким успехом! - Русско-турецкой войны Европа еще очень далека от состояния мира, тем более что на границах империи вновь возникает вечная проблема - польский вопрос. На время войны Екатерина отодвинула ее на второй план, но ни Пруссия, ни Австрия не намерены все оставить в прежнем состоянии и не реагировать на распространение Французской революции. В этот последний период своей жизни - ей остается жить пять лет - Екатерина, ставшая почти старейшиной коронованных особ Европы, но впервые за двадцать лет лишенная советов Потемкина, должна решать на время забытые, но ставшие теперь очень острыми проблемы, связанные с соседней Польшей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Екатерины II Иосифу II от 20 сентября 1782 г. // МИД Франции. Политическая переписка, Россия. 1781. Т. 106. Л. 261.

² *Гребенщикова Г. А.* Вооруженный нейтралитет Екатерины II: причины и следствия // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 26-29.

³ *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001. С. 207.

⁴ Цит. по: *КаррерД., Анкосс Э.* Екатерина II. Золотой век в истории России / Пер. с фр. М., 2006. С. 290.

⁵ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка, 1769-1791. М., 1997. С. 726.

⁶ *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 210.

⁷ МИД Франции. Политическая переписка, Россия. Т. 109. Л. 117.

⁸ Архив Внешней Политики Российской Империи; МИД Франции. Политическая переписка, Россия. Т. III. Л. 120-121.

⁹ *Пашков Ф. Ф.* Статистические сведения о Крыме: сообщения Кямаканами в 1783 году // Записки Одесского императорского общества истории и древности. 1886. Т. XIV. С. 91-156.

¹⁰ *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье 1775-1800. М., 1959. С. 100.

¹¹ Цит. по: *КаррерД., Анкосс Э.* Указ. соч. С. 323.